

Е.А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 16 Андалузские легенды,
Los Novios, Камер-юнгфера,
Философ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 16 Андалузские легенды, Los Novios, Камер-юнгфера, Философ / Е.А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2014. – 400 с.

ISBN 978-5-458-52678-4

ISBN 978-5-458-52678-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І. Три пряжи.

ила была однажды молодая дѣвушка, которая отличалась особенною лѣнью. Мать и сердилась, и уговаривала ее, и даже наказывала, но ничто не помогало.

Какъ-то разъ, потерявъ всякое терпѣнье, мать начала ее бить, а дочь начала кричать чуть не на всю улицу. Въ это время проѣзжала королева и, услыхавъ плачь, велѣла остановить свою карету, вошла въ домъ и начала спрашивать мать, въ чемъ дѣло.

Женщинѣ было стыдно сознаться, что ея дочь такая лѣнивица. Она и придумала солгать.

— Какъ же мнѣ дочь не наказывать, когда я не могу отнять у нея веретено. Она постоянно хочетъ прясть, а я не могу, по моей бѣдности, покупать ей такое количество льна.

Королева на это сказала:

— Ничто мнѣ не доставляетъ такого удовольствія, какъ трудолюбіе. Отдайте мнѣ вашу дочь. Я ее возьму во дворецъ. Что касается до льна, то я ей дамъ много, и она можетъ прясть сколько хочетъ.

Мать, конечно, не посмѣла отказать, и королева увезла молодую дѣвушку съ собой.

Когда онѣ пріѣхали во дворецъ, королева повела дѣвушку и показала ей три комнаты, съ верху до низу наполненныхъ тончайшимъ льномъ.

— Спряди мнѣ весь этотъ ленъ, и когда работа будетъ

окончена, я тебя отдамъ замужъ за моего старшаго сына. О бѣдности своей не безпокойся, плоды твоего прилежанія будутъ хорошимъ приданымъ.

Дѣвушка ничего не отвѣтила. Она была въ ужасѣ. Если бы она стала работать отъ зари до зари, то все-таки въ триста лѣтъ не кончила бы этого урока.

Она осталась одна въ комнатѣ и горько заплакала.

Три дня миновали, а она все еще не принималась за работу.

Наконецъ, на четвертый день, королева приходитъ въ ея комнату и видитъ, что дѣвушка и не начинала еще работать.

— Что жъ ты? спросила королева.

Дѣвушка, смущаясь, объяснила, что она очень скучаетъ объ своей матери, потому только и не принималась за работу.

Королева удовольствовалась этимъ отвѣтомъ, но однако прибавила:

— Погрустила и довольно. Пора приняться и за работу.

Когда дѣвушка осталась одна, то была такъ смущена, что не знала, что ей придумать и въ глубокомъ раздумьѣ сѣла у окна.

Вдругъ видитъ она: идутъ какія-то три старыя женщины, одна страшнѣе другой. У первой была громадная длинная нога, у другой губа такъ велика, что висѣла и спускалась даже на подбородокъ, у третьей былъ огромный широкій папець.

Они подошли къ окну и спросили у дѣвушки, отчего она такъ печальна. Дѣвушка немедленно рассказала имъ свою заботу. Три женщины предложили ей свои услуги.

— Но съ однимъ уговоромъ, сказали онѣ.—Если ты обѣщаешь намъ пригласить насъ къ себѣ на свадьбу и, не стыдясь, назвать насъ твоими тетками, то мы спрядемъ тебѣ весь твой ленъ, и такъ скоро, что всѣ не надвигятся.

— Съ удовольствіемъ обѣщаю все исполнить, отвѣчала дѣвушка.

— Ну, такъ нечего терять золотое время. Пойдемъ, примемся за работу, сказали старухи.

Молодая дѣвушка ввела ихъ въ комнаты, и онѣ тотчасъ принялись за работу. Первая вертѣла ногой прялку, вторая мочила ленъ на губѣ, а третья сучила нитку и придавливала

къ столу своимъ большимъ пальцемъ. И при каждомъ поворотѣ колеса цѣлый пудъ льна, какъ чудомъ, превращался въ тончайшую нитку.

Всякій разъ, что королева приходила въ комнату, молодая дѣвушка прятала своихъ пряжъ, а королева, видя, сколько уже сдѣлано, поневолѣ восторгалась.

Когда первая комната была окончена, пряжи перешли въ другую, потомъ въ третью и, наконецъ, кончили свою работу.

Когда все было готово, то молодая дѣвушка пошла къ королевѣ и попросила ее прійти посмотреть, что лень весь спряденъ.

Тогда королева обняла дѣвушку и сказала, что и она сдержитъ слово, назначивъ день свадьбы.

Принцъ былъ въ восторгѣ, что у него будетъ жена такая трудолюбивая и прилежная.

Молодая дѣвушка не забыла своего обѣщанія, даннаго пряхамъ, и обратилась къ королевѣ и къ жениху съ просьбой:

— У меня есть три тетки, которыя мнѣ дѣлали много добра. Позвольте мнѣ ихъ пригласить на свадьбу и посадить за одинъ столъ съ нами.

Королева и принцъ, конечно, дали свое согласіе.

Наступилъ день свадьбы. Въ великолѣпныхъ экипажахъ, одѣтыя въ дивные костюмы, явились три женщины. Всѣ взоры были на нихъ устремлены и всѣхъ поразили онѣ своимъ безобразіемъ. Но невѣста, не краснѣя, ласково и вѣжливо обратилась къ нимъ и сказала:

— Милыя тетюшки, какъ я рада, что васъ вижу. Милости прошу, пожалуйста и будьте дорогими гостями.

Но принцъ не вытерпѣлъ и сказалъ невѣстѣ:

— Какія у тебя безобразныя тетки.

Затѣмъ онъ обратился къ той, у которой была большая нога и спросилъ у нее:

— Отчего у васъ такая большая нога?

— Оттого, что я очень люблю прясть и всю жизнь вертѣла прялку, отвѣтила старуха.

Принцъ обратился къ другой:

— А у васъ отчего такая губа?

— Потому, что я все помогала сестрѣ и мочила нитку.

Наконецъ, онъ спросилъ у третьей:

— А у васъ отчего такой большой палецъ?

— А я все сучила нитку.

Принцъ былъ такъ испуганъ всѣмъ, что услышалъ, что тотчасъ объявилъ невѣстѣ:

— Никогда не позволю я тебѣ даже дотронуться до прялки. Обѣдай мнѣ, что послушаешь меня. Молодая дѣвушка, конечно, согласилась и была рада, что она навсегда будетъ избавлена отъ ненавистнаго ей занятія.

II. Оборотни.

Въ прежнія времена, лѣтъ съ триста тому назадъ, жить около Саламанки—бѣда была сушая. Нѣкто Антоніо, поселянинъ, хорошій человѣкъ, богобоязливый, домовитый и испытанной честности, чуть не разорился и чуть жену не потерялъ, да не смертью. Умалчивая о томъ, что собственно бываетъ около Саламанки,—онъ заповѣдалъ дѣтямъ своимъ и внукамъ никогда не жить около этого города.

И понятно, что Антоніо не рѣшался рассказывать, что съ нимъ было. А было вотъ что.

Извѣстно, что Саламанка славилась университетомъ и было въ ней много студіозусовъ и студентовъ. Всѣ они — народъ молодой, о двухъ головахъ, ничего не дѣлаютъ, Бога не помять, на всякія отчаянныя штуки пускаются—и на глупыя и на грѣшныя. А дьяволу это на руку. Онъ около нихъ и сталъ увиваться.

Наконецъ, онъ такъ привыкъ дѣла водить со студентами, что они ужъ и рады бы отъ него отдѣлаться, отмолиться и добрыми дѣлами откупиться отъ его власти надъ ними, да ужъ не могутъ.

Самая обыкновенная вещь, которую дьяволъ любилъ съ ними творить—это превращать ихъ въ разныхъ звѣрей, а то и въ птицъ.

Нигдѣ не было за то столько оборотней, какъ около Сала-

манки. Вотъ что случилось съ Антоніо, что онъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами.

Поселился онъ близъ города съ женой своей Хосефой. Дѣтей у нихъ еще не было, ибо они только-что обвѣнчались. Хосефа была замѣчательной красоты и кокетка тоже не послѣдняя.

Но Антоніо былъ увѣренъ въ своей женѣ и поэтому не ревновалъ ее. Всякій другой мужъ сталъ бы ревновать, видя, какая стая студентовъ шатается около его дома и какія штуки дѣлаетъ Хосефа. Разумѣется, она это дѣлала шутя, по легкомыслию, но другой мужъ не взялъ бы въ расчетъ самую суть дѣла, а сталъ бы судить по внѣшности и по мелочамъ.

Купилъ Антоніо на скопленные деньги отличнаго мула и не могъ нарадоваться на него: крѣпкій, сильный, красивый, шерсть точно шелкъ, а рубашка—что твой шеколадъ, самаго нѣжнаго коричневаго цвѣта. Многіе покупатели стали набиваться къ Антоніо, и давали большія деньги за мула, но Антоніо не продавалъ. Одинъ студентъ, богачъ, знатнаго рода (красавецъ такой былъ, что даже Хосефа признавалась, что не будь у нея мужа—она съ ума бы сошла отъ него), молодой человѣкъ и большой руки шалунъ, предлагалъ Антоніо за мула двадцать червонцевъ. Капризъ такой на него нашель: хочу имѣть этого мула! А на Антоніо тоже капризъ нашель: не хочу продавать. Даже поругались они чрезъ это съ женой, потому что Хосефа находила глупымъ не брать 20 червонцевъ, когда мулъ стоилъ три. Студентъ богачъ пересталъ у нихъ бывать (а прежде часто бывалъ) и погрозился, что отобьетъ себѣ мула. Но мулъ никому не достался. Антоніо его потерялъ даромъ—такимъ страннымъ образомъ, что богачъ студентъ и отбить не могъ.

Случилась такая оказія: отлучился разъ Антоніо изъ дому по дѣламъ, вернулся домой на другой день и пошелъ въ конюшню. А въ стойлѣ стоитъ въ уздѣ молодой человѣкъ, очень приличной наружности, по всему: кавалеро *)—да жалостно пищить.

— Кто ты? Чего тебѣ? воскликнулъ Антоніо.

— Христа ради поѣсть дай! Умираю! Три года не ѣлъ ничего, кромѣ ячменя.

*) Т. е. кавалеръ, дворянинъ.

— Да гдѣ мой мулъ? ахнулъ Антоніо, видя, что конюшня пуста.

— Мула твоего, благодаря милосердію Божію, нѣту болѣе. Я былъ твоимъ муломъ и благодарю тебя за твое ласковое обращеніе со мной. Теперь Господь простилъ меня—и я снова сталъ человѣкомъ.

И молодой человѣкъ разсказалъ Антоніо, что онъ за легкомысленную и грѣшную жизнь, поддавшись искушеньямъ дьявола, совершилъ заклинаніе, продалъ свою душу сатанѣ и долженъ былъ сдѣлаться изъ студента на всю жизнь—муломъ, но благодаря молитвамъ своей матери чрезъ три года опять сталъ человѣкомъ.

Антоніо чуть не заплакалъ о своемъ мулѣ, но не сталъ жаловаться громко. Молодой же человѣкъ былъ такъ счастливъ, переставъ быть животнымъ, что чуть не прыгалъ отъ радости.

Что жъ было дѣлать, Антоніо пригласилъ его поужинать, а затѣмъ отпустилъ съ Богомъ въ Саламанку кончать обученіе наукамъ.

Богачъ студентъ какъ узналъ, что собирался купить оборотня, то очень испугался, а потомъ обрадовался, что все такъ счастливо сошло съ рукъ, и подарилъ Хосефѣ три червонца на платье. Только при этомъ онъ попросилъ у нея сдачи—три поцѣлuya.

Хосефа по ошибкѣ дала сдачи — шесть. Другой мужъ непременно бы сталъ ревновать, но Антоніо былъ увѣренъ въ женѣ своей какъ въ самомъ себѣ.

Прошло мѣсяцевъ шесть послѣ этого случая; жили мужъ съ женой мирно и тихо. Хосефа завела себѣ прелестнаго кота, да такъ его полюбила, что съ одной тарелки съ нимъ ѣла, даже спать съ собой клала.

Однажды ввечеру заѣхалъ къ нимъ проѣздомъ знакомый аббатъ, человѣкъ уже пожилой, и остался ночевать. Сидя за ужиномъ, онъ увидѣлъ кота, сталъ его разсматривать внимательно, и наконецъ говорить:

— Дочь Антоніо, вы этого кота берегите и молитесь за него почаще. Это несчастная христіанская душа. Это оборотень. Надо вамъ его отмодить изъ-подъ власти сатаны.

Антоніо уже зналъ по опыту, что чортъ творить иногда по этой части. Отмадивать душу кота онъ тотчасъ согласился съ удовольствіемъ—думая, что это не мулъ. Тутъ деньги не пропадутъ. Оказалось, что и это денегъ стоитъ.

— Вы дайте мнѣ на нѣсколько обѣденъ, реаловъ съ сотню, да бѣднымъ еще раздать столько же, чтобы молились, ска- залъ аббать.

Жаль было Антонію изъ-за новаго оборотня, проклятаго женинаго кота, деньги тратить—да что жъ дѣлать—грѣхъ великъ оставить христіанина погибнуть.

Уѣхалъ аббать съ деньгами, и Антонію поѣхалъ опять по дѣламъ въ городъ. Прошло три дня—и Антонію сюрпризомъ женѣ пріѣзжаетъ домой на третій день, когда жена ждала его только на пятый.

Вошелъ онъ къ Хосефѣ, а она сидитъ и завтракаетъ съ молодымъ студентомъ. Не будь Антонію увѣренъ въ своей женѣ, онъ просто ревновать бы сталъ при эдакомъ сюрпризѣ. Хосефа была очень смущена, краснѣла и блѣднѣла.

— Кто это такой? спрашиваетъ мужъ.

— Ахъ, Антонію! говорить наконецъ Хосефа.—Бѣдный мой котеночекъ...

— Околѣлъ, что ли?

— Нѣтъ. Вотъ онъ! Правъ былъ аббать... И Хосефа показала на студента.

Антонію только руками развелъ; да что жъ другое-то сдѣлать? Онъ къ тому же не зналъ, какая бѣда изъ-за кота этого произойдетъ.

А бѣда вышла та, что котъ сталъ студентомъ только по виду. Отмолили его душу только на половину, а не совсѣмъ. Говорить онъ, напримѣръ, не могъ, а мяукалъ. Работать не могъ, а все сидѣлъ въ уголкѣ и умывался ручкой или въ воротахъ на солнышкѣ грѣлъ себѣ спинку. Это все бы еще ничего, но студентъ этотъ, или котъ, ѣлъ за десятерыхъ. Положеніе Антонію было пренепріятное. Содержать на свой счетъ эдакаго здоровяка накладно, а прогнать нельзя. Во-первыхъ, куда же пойдетъ бѣдный оборотень, котораго еще не совсѣмъ отмолили,—а во-вторыхъ, болтаясь безъ крова и пристанища, онъ опять можетъ подпасть подъ власть дьявола. Грѣхъ! Нечего дѣлать, взялась Хосефа отмаливать несчастнаго совсѣмъ, поселила его въ отдѣльной горницѣ, поила, кормила и всячески ухаживала за нимъ. Истинно по-христіански!

Наконецъ, однажды Антонію надоѣло содержать нахлѣбни- ка—и онъ объявилъ, что пускай оборотень или уходитъ, или опять обращается въ кота. Будучи котомъ, онъ гораздо мень-

ше Ёль, да и жена меньше занималась имъ и больше заботилась объ хозяйствѣ.

Оборотень ушелъ, но чрезъ день опять пришелъ, и началъ эдакъ таскаться въ домъ къ Хосефѣ изо дня въ день, потихоньку отъ мужа.

Уѣхаль разъ Антоніо по дѣламъ, пріѣхаль домой и нашель оборотня у себя въ кровати: тотъ, видите ли, покушавъ, легъ отдохнуть.

Антоніо взялъ половую щетку и ею разбудилъ оборотня, а разбудивши, сталъ его приводить ею въ себя и ею же чуть его не лишилъ пяти чувствъ; такъ ужъ старательно распорядился онъ, хлопая по оборотню.

Оборотень взбѣлился, да и Хосефа тоже къ удивленію Антоніо расплакалась и стала заслонять своего прежняго любимаго кота.

Оборотень выскочилъ изъ дому и погрозилъ Антоніо, что онъ ему отомститъ тѣмъ, что продастъ опять душу дьяволу съ условіемъ обратить въ кошку и самую Хосефу.

И что жъ? Не прошло недѣли, поѣхаль Антоніо по дѣламъ въ городъ, пріѣхаль домой, а жены нѣтъ нигдѣ. А на порогѣ сидитъ тотъ же котъ и уже новая—имъ еще невиданная кошка.

Съ ума, было, сошелъ бѣдный Антоніо, понявъ, что эта кошка—Хосефа и есть.

Заѣхаль снова знакомый аббатъ, и подтвердилъ его мнѣніе, что кошка эта — ничто иное, какъ обернувшаяся Хосефа.

Что жъ было дѣлать? Кота Антоніо бросилъ со злости въ колодезь и взялъ на свою совѣсть загубленную душу, хотя и проданную дьяволу, а все-таки душу. Бѣдную Хосефу, т. е. кошку, Антоніо взялъ и сталъ за ней ухаживать, какъ, бывало, она ухаживала за проклятымъ котомъ-студентомъ.

Всѣ деньги, какія только зарабатывалъ Антоніо, шли аббату на молитвы, обѣдни и на раздачу милостыни, чтобы отмолить душу Хосефы.

Чрезъ годъ Антоніо запрыгаль однажды отъ радости и заплакалъ какъ младенецъ. Вернувшись домой съ поѣздки, онъ нашель дома свою настоящую Хосефу—уже въ видѣ супруги, а не въ видѣ кошки. Отмолили!

И какихъ только чудесъ не рассказала ему Хосефа! Она ничего не помнила и не знала за весь годъ, — она какъ бы

не видѣла всего того, что дѣлалъ для нея мужъ, пока она была кошкой.

Боясь какой новой бѣды, Антоніо и Хосефа переѣзжали жить въ Андалузію. Ни мужъ, ни жена не любили и вспоминать, не только рассказывать про этотъ случай съ ними.

III. Госпожа Смерть.

Авно тому назадъ проживалъ около Севильи, въ маленькой деревушкѣ, нѣкто Родриго Гомесъ, человѣкъ бѣдный отъ своей безпечности и лѣни. Работать онъ не хотѣлъ, въ торреросы ¹⁾ итти боялся, потому что въ тѣ времена на бояхъ быковъ бывало опаснѣе, чѣмъ теперь; въ монахи итти ему не хотѣлось—не весело все Богу молиться; въ солдаты итти пора прошла, да и тоже страшно—пожалуй воевать придется.

И такъ, жить Гомесу было нечѣмъ, а семья его все увеличивалась. Что ни годъ, новый сынъ у него рождался — и такъ дошло дѣло до 18-го. И всѣ-то 18 ѣсть просяты.

Прослышалъ Родриго Гомесъ, что если онъ доложитъ королю, что у него полторы дюжины сыновей, одинъ краше другого, а ѣсть нечего,—то ему выдадутъ пенсію.

Собрался онъ ко двору въ столицу.

Кому незадача въ жизни, то все на свѣтъ—и самое умное—кверху ногами выйдеть.

Пришелъ Гомесъ въ столицу, велѣлъ объ себѣ доложить королю, что „такъ и такъ, молъ, у меня полторы дюжины сыновей, одинъ краше другого, а ѣсть нечего. Дайте пенсію“.

Король было обѣщалъ, но въ тотъ же самый день заболѣлъ молодой королевичъ (а у короля только и былъ одинъ един-

¹⁾ Торреро или матадорами называются на боѣ быковъ сражающіеся съ разъяренными животными одинъ на одинъ, пѣшіе бойцы, вооруженные шпагой, которой они обязаны нанести быку смертельный ударъ не иначе какъ спереди и непременно черезъ наклоненные рога въ ставовую жилу.

ственный сынъ и наслѣдникъ престола); захвораль королевичъ объѣвшисъ фигъ, слегъ и умираеть совсѣмъ — и все въ столицѣ стало вверхъ дномъ; а вмѣстѣ съ другими важными дѣлами и обѣщанная пенсія пошла къ чорту. Созвали докторовъ со всей Испаніи, но доктора объявили, что ничѣмъ помочь нельзя и что королевичъ Богу душу отдасть чрезъ три дня.

Гомесь, видя, что королю и двору не до него, грустный собрался домой съ пустыми руками. Только и было у него въ рукахъ что колбаса да апельсинъ.

Выйдя за городъ, онъ съ горя сѣлъ на дорогѣ и собрался съѣсть свою провизию. Грустно ему стало.

— Вотъ, думаетъ, — королевичъ умираеть, а ему ли не жить. У меня вотъ полторы дюжины сыновей и ни одинъ, поди, не умреть. Хоть бы мнѣ ужъ самому умереть! Такъ нѣтъ—и за мной смерть, поди, не скоро придетъ.

Только успѣлъ Гомесь подумать это, какъ видитъ—подходить къ нему грязная и противная старуха-нищенка, какъ есть вѣдьма, и говорить:

— Кушать изволите, донъ-Родриго Гомесь?

— Да-съ! вамъ не угодно ли?

Извѣстно, что всякій благовоспитанный кавалеръ, когда ѣсть, долженъ поневолѣ предложить присутствующему раздѣлить съ нимъ хлѣбъ-соль; но извѣстно тоже, что всякій благовоспитанный кавалеро или дама должны отказаться, когда имъ предлагаютъ раздѣлить пищу.

Какова же была досада Гомеса, когда старая вѣдьма въ мгновение ока плюхнулась около него на траву и сказала:

— Ахъ, съ удовольствіемъ! Я уже давно не ѣла.

Взяла она колбасу, отрѣзала оба кончика, гдѣ торчали веревочки, для Гомеса, сама зацѣпила всю колбасу своими зубищами—и не успѣлъ Гомесь мигнуть, какъ старуха сожрала ее всю. Какъ бы и не бывало ее никогда.

— Ахъ, чортъ тебя побери! подумаль Гомесь.

— А это, говоритъ старуха,—что у васъ? Апельсинъ? Съ удовольствіемъ.

И, взявъ сама изъ рукъ Гомеса апельсинъ, старая вѣдьма, не обчищая его, угрызла съ кожей въ одну секунду.

— Нѣтъ, какова чертовка! подумаль Гомесь про себя: — Нужно мнѣ было тутъ располагаться ѣсть, на дорогѣ, едѣ всякій чортъ таскается.